

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Трофимова Нина Владимировна,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»,
ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, 119435 г. Москва, Российская Федерация
E-mail: nvt.df@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМЫ И СТИЛИСТИКИ ПЛАЧЕЙ В ЛЕТОПИСНЫХ ВОИНСКИХ ПОВЕСТЯХ

Аннотация: Плачи в древнерусской литературе — литературная форма, изученная недостаточно. Не решён вопрос о родовой принадлежности этого явления, мало исследованы конкретные образцы жанра. Задача данной статьи — рассмотреть типы, формы и стилистику плачей, включённых в летописные воинские повести XI–XVI вв. как один из самых распространённых жанров, и решить вопрос об их родовой принадлежности. Материал работы составляют плачи, вошедшие в воинские повести наиболее значительных русских летописей. На основе наблюдения над ними выделены три основных формы: упоминание, описание с передачей содержания и введение текста плача. Первые две формы характерны для изображения плачей групп персонажей, а третья появляется в тех случаях, когда нужно передать плач отдельных лиц, в том числе автора. Все формы плачей эмоциональны, что отражается в их стилистической системе, включающей лексические повторы, риторические и синтаксические средства, библейские цитаты. Эти особенности свидетельствуют о лирическом характере рассматриваемого жанра.

Ключевые слова: воинская повесть, летопись, лирический жанр, плач.

Н. И. Прокофьев, размышляя над системой жанров в древнерусской литературе, указывал на то, что одни «имели самостоятельное распространение, другие и самостоятельное, и в качестве вставного мотива или формы включались в другие жанры» [8, с. 31]. Среди последних исследователь назвал плачи, считая их лирическими произведениями и отмечая их возможное бытование внутри житий, повестей, сказаний [8, с. 34].

Плачи привлекали к себе внимание небольшого круга исследователей. Важнейшей в изучении этого жанра работой остаётся глава «Лиро-эпические плачи в древнерусской литературе» в монографии В. П. Адриановой-Перетц «Очерки поэтического стиля Древней Руси». Исследовательница указала на основные темы плачей: «скорбь по умершем..., горестная судьба, разлука, военное поражение,... бедствия

© Трофимова Н. В., 2014

разорённого войной города или государства» [1, с. 135] и рассмотрела на обширном материале влияние народных причетий и библейско-византийских плачей на древнерусские тексты. Этот жанр она считала лиро-эпическим.

Задача данной работы — проследить особенности плачей в летописных воинских повестях (поскольку из текстов летописей В. П. Адрианова-Перетц обратила внимание главным образом на плачи по умершим князьям), а также вернуться к вопросу о родовой принадлежности жанра.

Прежде всего, воинские повести могли содержать упоминание плачей, т. е. плач как мотив. Одним из ранних в «Повести временных лет» был плач киевлян о погибшем в битве на Нежатиной Ниве киевском князе Изяславе: «...и не бѣ лзѣ слышати пѣнья в плачѣ велицѣ и воплѣ, плакася о немь весь городъ Киевъ» [2, стб. 193]. Обратим внимание на то, что уже в кратком сообщении используются средства усиления эмоциональности: синонимы (плач и вопль), повтор однокоренных слов (плач, плакася), эпитет «велик».

В Киевской летописи подобным образом упоминается плач всей Руси о поражении войска Игоря от половцев, причём используется неточная цитата из Библии, придающая эмоциональность тексту: «И тако во день святаго воскресения наведе на ны Господь гнѣвъ свои, в радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселье мѣсто желю на рѣцѣ Каялы» [2, стб. 642–643] (ср.: «и превращу праздники ваши въ жалость и вся пѣсни ваша въ плачь» Ам. 8: 10).

В повести о приходе татар во Владимирскую землю в Лаврентьевской летописи дважды появляются упоминания плачей: сначала князей и горожан — «Всеволодь и Мстиславъ с дружиною своею и вси гражане плакахуся зряще Володимера», взятого в плен татарами, а в то время, когда начался приступ к городу, упоминается плач всех жителей: «И бысть плачь великъ в градѣ, а не радость, грѣхъ ради нашихъ и неправды» [3, стб. 462], снова с антитезой, напоминающей библейский текст, и эпитетом «велик».

В аналогичном тексте по Никоновской летописи плачи упоминаются ещё дважды: узнав о взятии Москвы и гибели людей, собираясь на битву, «князь велики же Юрьи Всеволодичъ слышевь то, и **плакавъ** много со владыкою Митрофаномъ, и со княгинею своею, и з дѣтми и з боаря своими, **слезы многи пролиаша**, и вниде въ церковь <...> и бысть **плачь велий** во градѣ, и не бѣ слышати другъ ко другу глаголюща **въ слезахъ и въ рыдании**» [4, т. 10, с. 106–107]. Когда стало ясно, что Владимир будет взят татарами, князья, владыка и воевода, бояре и люди «**возплакашеса плачемъ велиимъ**, и внидоша вси въ церковь пречистыя Богородици соборную <...> и бысть **кричание, и вопль и плачь велий** во градѣ» [4, т. 10, с. 108]. В летописи XVI в. заметно усиление эмоциональности мотива за счёт использования слов с корнем «плач», синонимов, тавтологии и повторяющегося эпитета «велий».

Дважды упоминаются плачи в повести о междоусобной битве на Липице, рассказывающей о победе новгородцев с князем Мстиславом над владимирскими князьями, захватившими новгородские земли и пленных, по большинству списков Никоновской летописи: когда Юрий с Ярославом прибежали с поля боя, «бысть плачь велий» [4, т. 10, с. 74, стб. 1], а затем говорится о том, что в битве погибло

много славных новгородцев «и плакася о нихъ намного князь Мстиславъ Мстиславичъ» [4, т. 10, с. 75, стб. 1].

Упоминание плача Дмитрия после нашествия Тохтамыша на Москву есть в краткой повести об этом событии в Тверском сборнике: «...князь великий Дмитрей поиха на Москву, и видѣ изгыбель нача **плачь великъ и горко стогнание**» [10, стб. 442]. Несмотря на краткость всей повести, автор подчёркивает печаль князя использованием синонимических сочетаний.

Таким образом, упоминания плачей князей и горожан встречаются в воинских повестях, написанных в разных землях и в разное время. Темы их — военные поражения и судьба разорённых русских земель и жителей, взятых в плен. Они могут быть краткими и пространными, но в них изначально заложено эмоциональное начало. Можно отметить и некоторые устойчивые приёмы в упоминаниях плачей: эпитет «велик (велий)», отсылку к цитате из книги пророка Амоса, а также тавтологию, нагнетание однокоренных слов, синонимию.

Вторая форма — описание плача с передачей его содержания, при этом отрывок не облечён в форму прямой речи персонажей. Таков, например, фрагмент повести о Сендомирском взятии под 1261 г. в Галицко-Волынской летописи, в котором речь идёт об изгнании жителей, которым предстояло погибнуть, из взятого татарами города: «...и бысть **плачь** великъ и рыдание, мужи **плакахуся** свѣрьстницы своихъ, матери же **плакахуся** чадъ своихъ, братъ брата, и не бысть кто помилуя ихъ» [2, стб. 854].

В более поздних повестях, написанных в конце XIV — начале XV вв., эта форма становится пространнее и эмоциональнее. Так, повесть о нашествии Тохтамыша в редакции Рогожской и Симеоновской летописей содержит пространное описание плача с помощью ряда из 28 существительных, передающих проявления чувств и называющих сами чувства: «И бяше въ градѣ видѣти тогда плачь и рыдание и вопль многъ, слезы, крикъ великъ, стенание, охание, сѣтование, печаль горкаа, скорбь, бѣда, нужда, горесть смертнаа, страхъ, трепеть, ужасъ, дряхлование, ищезновение, поправление, бещестие, поругание, понось, смѣхание врагомъ, укоръ, студъ, срамота, поношение, уничижение» [9, стб. 145].

Распространённое описание плача находится и в повести о нашествии Едигея по Московскому летописному своду конца XV в.: «Отци и матери **плакаху**, зряще чадъ своихъ разбиваемыхъ и умерщвляемыхъ, тако же и чада **рыдаху** разлучения от родителя своихъ, и не бысть помилующаго, ниже избавляющаго, ни помогающаго. И бысть тогда въ всей Рускои земли всемъ христьяномъ туга велика и **плачь неутешимъ** и **рыдание** и **кричанье**, вся бо земля пленена бысть наченъ от земли Рязаньские и до Галича и до Белаозера, вси бо подвизашася и вси смутишася, многы бо напасти и убытки всемъ человекомъ здеашася и болшимъ и меншимъ и ближнимъ и далнимъ, и не бысть такова, иже бы безъ убытка былъ, но вси в тузе и скорби мнозе и печалью одержими» [5, с. 326]. Здесь подробное описание автором положения русских городов раскрывает содержание плача жителей. Средства, использованные в этом описании, сходны с теми, что использовались в упоминаниях плачей, но более насыщены: это цепочки синонимов и однородных членов, анафоры, пост-

позиция прилагательных, синтаксически параллельные конструкции. Появляется новый эпитет к слову «плач» — «неутешим».

Хотя плачи рано начинают упоминаться в летописях, они нечасто приводятся в воинских повестях в речах персонажей, т. е. становятся собственно литературными формами. Одним из первых можно считать плач Ярополка об убитом отце Изяславе, который следует за уже упоминавшимся плачем киевлян о князе после битвы на Нежатиной Ниве: «Ярополкъ же идяше по немъ плачася съ дружиною своею: “Отче, отче мои, что еси бес печали пожил на свѣтѣ семь. Многи напасти приемъ отъ людѣи и от братья своеа. Се же погипе не от брата, но за брата своего положи главу свою”» [2, стб. 193]. Вероятно, в последней фразе плача слышится отзвук библейского текста: «...болши сея любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя» (Лк 15: 13).

Яркий пространный образец жанра — плач Игоря, взятого в плен во время неудачного похода 1185 г. против половцев, помещённый вслед за упоминанием общего плача русских земель. Этот плач отличается тем, что передаёт чувства и мысли героя, оценивающего причины поражения своего войска. Первая часть посвящена покаянию в грехах: Игорь оплакивает своё участие в междоусобных войнах, рисуя картину бед, принесённых им мирным жителям Переяславской земли, и считая своё поражение карой за них. Вторая часть описывает его собственное положение — полководца, лишившегося ближайших родных и войска, оказавшегося в плену у врагов. Последняя фраза речи Игоря превращает плач в молитву, ибо он обращается к Господу с просьбой о милости. В плаче использованы эмоционально-риторические и поэтические средства: метафорические образы («и все смятено плѣномъ и скорбью тогда бывшую», «лютыя и немилостивыя раны подъяша» [2, стб. 643], «се нынѣ вижду другая мучения вѣнца приемлюще» [2, стб. 644], риторические вопросы, дополненные анафорой («Гдѣ нынѣ возлюбленны мой братъ? Гдѣ нынѣ брата моего сынъ? Гдѣ чадо рожения моего? Гдѣ бояре думающеи? Гдѣ мужи храборьствующи? Гдѣ рядъ польчнии? Гдѣ кони и оружья многоцѣнная?» [2, стб. 643]), ряды однородных членов («Тогда бо не мало зло подъяша безвиннии хрестъяни, отлучаеми отецъ от рожении своих, братъ отъ брата, другъ от друга своего и жены отъ подружии своихъ и дщери от материи своихъ и подруга от подруги своеа» [2, стб. 643]). Ритмический характер текста создаётся с помощью синтаксического параллелизма, парных сочетаний, постпозиции прилагательных.

В повести о приходе Батыя на Рязань по Новгородской I летописи текст завершается эмоциональным авторским отступлением-плачем: «И кто, братъе, о семь не **поплачется**, кто ся нас осталъ живыхъ, како они нужную и горкую смерть подъяша. Да и мы то видѣвше устрашилися быхомъ и грѣховъ своихъ **плакалися** съ въздыханиемъ день и ночь; мы же въздыхаемъ день и ночь, пекущися о имѣнии и о ненависти братъи» [6, с. 75].

В пространной повести о Куликовской битве по Новгородской IV летописи в эпизоде выступления московского войска в поход упоминается плач мирных жителей, проводивших своих близких: «...и бысть в градѣ Москвѣ туга велика, и по

всѣмъ его приделомъ **плачь горкъ**, и гласъ и **ридание**, и слышано бысть, сиречь высокыхъ, Рахиль же есть дыхание крѣпко, **плачущися** чадъ своихъ и **великимъ рыданиемъ**, въздыханиемъ, не хотя утѣшиться, зане пошли с великимъ княземъ за всю землю Русскую на остраа копыа. Да кто уже не **плачется** женъ онѣхъ **рыдания** и горкаго ихъ **плача**?» [7, с. 315–316]. Четырежды использованные однокоренные слова с корнем «плач», причём один раз с новым эпитетом «горкъ», и дважды синоним к ним «рыдание» эмоционально нагнетают настроение перед появлением краткого плача женщин, «каяждо к собѣ глаголаше: “Увы мне, убогаа наша чада! Уне бы намъ было, аще бы ся есте не родили, за сиа злострастные и горкиа печали вашего убиства не подняли быхомъ; по что быхомъ повиннѣ пагубѣ вашей?”» [7, с. 316]. В тексте использованы мотивы, характерные для плачей по убитым, но этот плач произносится в то время, когда воины только отправились в поход, исход которого неизвестен, однако матери уже оплакивают сыновей как погибших.

В повести о нашествии Тохтамыша на Москву в той же Новгородской IV летописи помещён пространный плач о погибших, который произносит церковь: «...плачется церкви о чадѣхъ церковныхъ, паче же о избъенныхъ, яко матере о чадѣхъ плачущесе» [7, с. 336]. В плаче отчётливо просматривается ритм однородных членов, выдерживается принцип синтаксического параллелизма с анафорой («О, чада церковнаа! О страстотрѣпци избъении, иже нужную кончину подъясте, иже нужную смерть притрѣпѣстѣ от огня и меча, от поганыхъ насильства!»; «Вси лежать, вси уснуша и почиша, вси постѣчени быша и избъени быша...» [7, с. 336]). Широко используются риторические вопросы, восклицания, обращения, парные сочетания синонимов, гомеотелевты на основе именных сочетаний («Церкви стоящи не имуще лѣпоты ни красоты... Гдѣ четци и пѣвци? где клиросници, церковници? <...> нѣсть зовущаго ни тѣкущаго <...> ни слышати славословия и хвалословения, не бысть въ церквахъ стихословия и благодарения» [7, с. 336]). Примечательно, что, хотя говорится о плаче церкви, в середине него слышится авторский голос: «Увы мнѣ! страшное се слышати, страшнѣе же тогда было видѣти; грѣси же наши то намъ сътворили» [7, с. 336]. Текст этой редакции повести не случайно некоторые исследователи связывают с деятельностью Епифания Премудрого, поскольку структура и стилистика текста напоминают написанные им жития, в частности, плач церкви есть в «Житии Стефана Пермского».

В повести о битве на Липице в редакции Тверского сборника в авторское отступление о величии победы, содержавшееся в ранних редакциях повести, добавлена после первого восклицания реплика, смещающая акценты в оценке событий, а затем присоединено описание поля битвы, что превращает это отступление в плач: «О многыа побѣды, братия! Кто не въсплается **слышавъ сию горкую побѣду надъ своею братиею**, вытие прободеныхъ и **гласъ протинаемыхъ, и еще живыхъ сущихъ и кричащихъ отъ болѣзни**? Многое бо множество избытихъ, яко ни умъ чловѣческий не можетъ смыслити; **не токмо на боищи костры мертвыхъ, но и по многымъ мѣстомъ лежаше трупие, овии мертви, а друзии еще дышуще; много же отъ нихъ и перемани и повязани, плачущесе грѣкымъ плачемъ, видяще своихъ мертвыхъ не погребеныхъ**» [10, стб. 322–323]. Этот авторский

плач, соединённый с упоминанием плача потерпевших поражение, подчёркивает ужас междоусобных битв.

Эмоциональный настрой плача автора поддерживается описанием плача горожан. После рассказа о бегстве князя Юрия с поля битвы во Владимир летописец привёл картину народного плача во Владимире и Суздале, подчёркивающую горе простых жителей: «Бысть же **плачь неутѣшимъ** въ Володимерѣ и въ Суждадѣ, **плачуше** стари немощей дѣтей своихъ, а жены мужей своихъ, а малии отцевъ своихъ и братий; не бѣ бо такого двора, идѣже бы **кричання и въпля** не было, и странно бѣ видѣти челоуѣкы изъопухша отъ слезъ» [10, стб. 323]. Это описание плача передаёт его содержание, эмоциональность подчёркивается ритмизацией текста с помощью синтаксически параллельных элементов, использования повторов и синонимов.

Редкий для летописей индивидуальный женский плач, продолжающийся молитвой, встречается в рассказе Никоновской летописи о сборах Ивана IV в поход на Казань. Царь произносит наставление царице Анастасии, утверждая мысль о том, что гибель за православную веру не есть смерть, но жизнь вечная, и прося жену пребывать во время похода в подвигах духовных и молитвах. Летописец эмоционально рисует состояние царицы в этот момент: «...уязвися нестерпимою скорбию и не можаше отъ великие печали стояти, аще не бы благочестивый царь свою супружницу своимъ руками удръжалъ, хотяше бо пастися на землю, и на многъ часъ безгласна бывши и плакася горко; и егда возможе отъ великихъ слезъ удръжати и проглаголати государю благочестивому царю», Анастасия произносит плач: «Ты убо, **благочестивый** государю мой, заповѣди хранишь Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, еже ти хотящу *душу свою положити* за православную вѣру и за православныя христиане, азъ же како стерплю отшествие своего государя? Или кто ми утолитъ горкую сию печаль? Или кто ми принесетъ и повѣдаетъ великую сию милость отъ Бога на **благочестивомъ** моемъ государѣ, яко **благочестивый** царь всея Руси самодръжець отъ всемилоствига и вседръжителя Бога милость получи и съ всѣмъ своимъ христоролюбивымъ воинствомъ брався съ нечестивыми и одолѣти и на свое царство здравъ възвратися?..» [4, т. 13, с. 185]. Дальше плач переходит в молитву, обращённую сначала ко Господу, а затем к Богородице с просьбой о милости и победе. Плач этот интересен тем, что он адресован собирающемуся в поход супругу и содержит горестные размышления о будущей разлуке и надежду на благополучное окончание похода благодаря милости Божьей. Эмоциональное его наполнение разнообразнее, чем в предшествующих образцах летописных плачей. В тексте использованы анафорические конструкции, подчёркивающие печаль царицы, повторы однокоренных слов, одного и того же слова, синонимов, отражающих мысль о том, что поход находится под покровительством Божьим, так как предпринят против неверных православными христианами.

Рассмотрев примеры плачей в летописных воинских повестях XI–XVI вв., можно отметить следующие их особенности. Плачи имеют три основных формы: упоминание, описание с передачей содержания и введение текста плача. Чаще всего упоминаются и описываются плачи групп персонажей, а приводятся плачи отдельных лиц, в том числе авторские. Все формы плачей эмоциональны, что подчёрки-

вается системой лексических повторов, синтаксических средств, использованием библейских реминисценций. Устойчивым эпитетом, вводящим данную жанровую форму, можно считать плач «велик (велий)», позднее появляются и повторяются эпитеты «неутешим» и «горек».

Приведённый материал, на наш взгляд, свидетельствует о том, что большинство плачей в воинских повестях представляют собой лирические элементы, лишь отдельные содержат эпические включения. Таким образом, можно считать плач в летописной воинской повести по преимуществу лирическим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 185 с.
- 2 Ипатьевская летопись / Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2. 648 с.
- 3 Лаврентьевская летопись / Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1. 496 с.
- 4 Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. 264 с.
- 5 Московский летописный свод конца XV века / Русские летописи. Рязань: Узорочье, 2000. Т. 8. 656 с.
- 6 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 3. 720 с.
- 7 Новгородская четвертая летопись / Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 4, ч. 1. 728 с.
- 8 Прокофьев Н. И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVI веков // Литература Древней Руси: межвузовский сб. науч. тр. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1975. Вып. 1. С. 5–39.
- 9 Рогожский летописец / Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 15. 576 с.
- 10 Тверской сборник / Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 15. 432 с.

* * *

Trofimova, Nina Vladimirovna,

DSc of Philology, Professor,

Moscow State Pedagogical University,

M. Pirogovskaya str., 1/1, 119435 Moscow, Russian Federation

E-mail: nvt.df@yandex.ru

Abstract: In the article the types, the forms and the stylistic features of the lamentations included into chronicle military narrations are considered. Lamentations in medieval Russian literature are the literary form, studied insufficiently. The question of their literary kind is not determined, specific examples of the genre are poorly learned. The purpose of this article is to consider the types, forms and style of the lamentations included in the chronicle military narrations of XI–XVI centuries as one of the most popular genres, and determine their literary genre. The Material of the work is composed by lamentations included in the most significant chronicle military narrations. On the basis of observations on them, three main forms are distinguished: the mention, the description of the content, and the introduction of the text of lamentation. The first two forms are typical to the lamentations of groups of characters, and the third appears in those cases when it's necessary to picture the lamentations of a separate character, including the author. All forms of lamentations are emotional and this feature is reflected in their stylistic system including lexical repetitions, rhetorical and syntactic means, biblical quotes. These features indicate the lyrical nature of the considered genre.

Keywords: military narration, chronic, lamentation, lyrical genre.

REFERENCES

- 1 Adrianova-Peretts V. P. *Ocherki poeticheskogo stilia Drevnei Rusi* [Essays on Old Russia Poetic Style]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1947, 185 p.
- 2 Ipat'evskaia letopis' [Ipat'evskaia chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian chronicles]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. Vol. 2. 648 p.
- 3 Lavrent'evskaia letopis' [Lavrent'evskaia chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian chronicles]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1997. Vol. 1. 496 p.
- 4 Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'iu [Chronicle collection named Patriarch or Nikon's chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian chronicles]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 264 p.
- 5 Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV veka [Moscow chronicle corpus of the end of the XV century]. *Russkie letopisi* [Russian chronicles]. Ryazan, Uzoroch'e Publ., 2000. Vol. 8, 656 p.
- 6 Novgorodskaa pervaa letopis' starshego i mladshego izvodov [Novgorod first chronicle: junior and senior versions]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian chronicles]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. Vol. 3. 720 p.
- 7 Novgorodskaa chetvertaia letopis' [Novgorod fourth chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian chronicles]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. Vol. 4, part 1. 728 p.

-
- 8 Prokof'ev N. I. O mirovozzrenii russkogo srednevekov'ia i sisteme zhanrov russkoi literatury XI–XVI vekov [On world outlook in Russian medieval ages and genre system in Russian literature of XI–XVI centuries]. *Literatura Drevnei Rusi: mezhvuzovskii sb. nauch. tr.* [Literature of Old Russia: Interuniversity collection of scientific papers]. Moscow, MGPI im. V. I. Lenina Publ., 1975. Vol. 1, pp. 5–39.
 - 9 Rogozhskii letopisets [Rogozhskii chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian chronicles]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. Vol. 15. 576 p.
 - 10 Tverskoi sbornik [Tver collection]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian chronicles]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. Vol. 15. 432 p.